

БРАТЯ-близнецы Олег и Всеволод Волковы родились 21 января 1900 года в Петербурге. Кроме старшего брата Николая (1898), вслед за ними появились на свет — Анна (1901), Наталья (1906), Андрей (1908) и Дмитрий (1910). Но самым близким и по судьбе и по душевной созвучности на всю жизнь остался Всеволод. Родители Василий Александрович и Александра Аркадьевна Волковы стремились дать своим детям строгое воспитание и глубокое всестороннее образование. В результате все они основательно владели французским, немецким, английским языками, оставаясь при этом неизменно русскими людьми...

Семья любила проводить летнее время в отцовском имении Пудышево на реке Осуге близ Торжка. Именно здесь Олег откроет для себя крестьянскую и помещичью Россию, полюбит ее природу. А егерь Никита, под чьей опекой братья приобщались к охоте с десятилетнего возраста, останется в памяти на всю жизнь и будет описан в повести «В тихом краю» и других произведениях. Кроме Пудышева, мать вывозила детей в Ниццу. Там, во Франции, была вилла ее отца Аркадия Юльевича Левестам, женившегося в свое время на Елизавете Андреевне Лазаревой. Левестамы — родовитые датчане — прочно укоренились в России. Брат матери Александр Аркадьевич Левестам учился в Пажеском корпусе, самом привилегированном учебном заведении империи, требующем не менее шести поколений наследственного дворянства, чтобы в нем учиться. Дворянами являлись и родственники О. Волкова по казачьей линии: Ефремовы, Грековы, Игнатьевы... Братья-близнецы учатся вместе с их сверстником Владимиром Набоковым (Олег даже сидит с ним за одной партой) в коммерческом Тенишевском училище.

Весной 1917 года Олег Волков полностью поглощен подготовкой к поступлению в университет. Однако и события 1917 года не проходят мимо. Без всякого влияния извне он улавливает родственную связь между французской и русской революциями и берется за первый в своей жизни литературный труд, содержание которого кратко выражалось так: «Люди! Ни когда не делайте революций, потому что они всегда ведут к братоубийственной войне...». Это произведение так и осталось незаконченным. Семья Волковых решила переждать смуту в имении на реке Осуге. Уже поступив-

шему в Петроградский университет Олегу учиться в нем не пришлось. Но трудно представить его, кому «мерещилась преданность низвергнутой династии», бездействующим. В том же 1917 году он поступает в Тверскую легкоконную школу, где проучиться довелось меньше полугода: ее начальник генерал-майор Кучин, дабы спасти своих питомцев, сказал им: «Давайте, господа, разбегайтесь...». Видимо, не исключалась угроза поголовного расстрела.

Олег вернулся в имение отца, где местные мужики не дали в обиду своих давних соседей: выделили семье землю. Но уже начиналась гражданская война. Участились «напоминающие грабежи» обыски. Загребали бессудные казни. Предупрежденный о грозившем ему аресте, уезжает в Петроград отец. Самого Олега выручила из тюрьмы очередная смена власти.

Зимой 1918 года в Торжке формируется большой конный отряд. В его составе, вместе со старшим сыном генерала Кучина, юнкер Волков прорывается на Дон, а затем на Кубань. «Первое легкое ранение... Страшные потери у Екатеринодара... Убит снарядом командующий Лавр Георгиевич Корнилов — этого никто не ожидал!» Олег Волков видит, что монархически настроенные казаки не понимают демократических устремлений Добровольческой армии — сражаются вяло, пассивно. Вырвавшись из окружения, тверской отряд устремляется к месту заточения царской семьи. Выход видится в ее спасении. Они не успели... Олег «опускался в полуподвальную комнату Ипатьевского дома, видел еще свежие пятна крови... Так, завершив большой круг, немногие из нас вернулись обратно».

Дальнейшие события заставляют Олега Волкова наглухо захлопнуть эту страницу своей биографии. Но она будет приоткрываться в его тревожных снах, особенно в последние годы, когда он станет работать над мемуарным очерком об Ипатьевском доме. Однажды, разбуженный голосом писателя (на даче в Переделкине, где мне довелось помогать ему в работе, никого, кроме нас двоих, не было), я услышал исповедь о последнем приюте царской семьи. Потряса психологическая достоверность услышанного. Правда, тогда я еще не понимал, к чему прикасаюсь...

После «большого круга» — снова Пудышево. Снова аресты в качестве заложника. Дело могло кончиться плачевно. И начались новые адовы круги, большие и малые. Об одном из них

АДОВЫЕ КРУГИ

Калужская тюрьма. Март 1951 г.

писатель поведал мне так: «Прослышав, что в Твери наскоро сколачивается Красная конная часть для отправки на юг, я в эту кашу втерся с единственным намерением перейти к Врангелю. Губительная сущность большевиков была более чем очевидна».

Он опоздал. Еще были видны дымы уходящей в Бизерту врангелевской эскадры. На одном из ее кораблей находилась родной дядя, близкий друг Колчака, адмирал Андрей Максимович Лазарев и его сын лейтенант флота Максим... Из Крыма Олегу Волкову удалось выбраться живым. После мытарств он работает заведующим государственной паровой мельницей в Пудышеве, где в 1922 году и был арестован за недоносительство о «злоупотреблениях комиссара на вверенном ему производстве». Суд в Торжке милостиво приговорил его к одному году условно. Тем не менее хлебная работа была потеряна. Выручила знание иностранных языков. Ему удается устроиться переводчиком в миссии Нансена и АРА — благотворительных организаций, помогавших голодающим губерниям. Он сопровождает секретаря миссии — корреспондента парижской газеты «Информасьон» швейцарца Воша. Олег и сам «пописывал» под псевдонимом в эту газету. Тогда же счастье улыбнулось ему и в личной жизни. Он влюбляется в Софию Всеволодовну Мамонтову, внучку знаменитого мецената. В архивно-следственном деле сохранилось его письмо к ней, написанное на бланке миссии Нансена от 16 июля 1923 года, то есть в преддверии их свадьбы. В нем слышатся отзвуки отчаяния лишнего дома, смысла, Родины человека, нашедшего наконец спасение в любви:

«Я говорил, что люблю тебя, да это ты и сама знаешь, и полемика об этом, может быть, и надоедает тебе? Как я иногда чувствую, что мало тебя знаю. Но это пройдет: ты в общем вся такая хорошая, славная и родная мне моя Сонечка, что для тебя я, право, могу сделаться совсем-совсем иным человеком, и даже не плохим. Я и так, правда, совсем ассимилировался, и ты стала для меня всем, всем!

Ну, прощай, пока, моя радость, мое солнышко. Господь с тобой. Целую тебя крепко, крепко и любви меня и знай, что я всегда твой. Поблагодари Всеволода Саввича, и Елену Дмитриевну (родители Софии Всеволодовны. — Г.К.) и всех за радужное гостеприимство. Я стал у вас чувствовать себя совсем как в своей семье...»

Последние слова относятся к про-

шлему. Уже несколько лет семья Волковых была разгромлена, разъята революцией. Не было в живых отца, старшего брата Николая. Жили порознь...

После окончания деятельности миссии Нансена летом 1924 года прекратилось и сотрудничество Олега Волкова с корреспондентом газеты «Дейли Ньюс», для которого он собирал сведения об убийстве царской семьи, ездил в Екатеринбург... Далее, по рекомендации представителя доктора Нансена Джона Горвина, Волков служит под началом греческого посла в отделе советской прессы вплоть до его упразднения в 1926 году. Оказавшись без работы, он обратился к знакомому корреспонденту американского агентства Миллсу — без всякой надежды на успех, но был принят переводчиком. Ему вменялась в обязанность выборка из советских газет сенсационных сообщений и правительственных распоряжений. В мае 1927 года он возвращается в греческое посольство, где вновь открылся упраздненный ранее отдел советской прессы.

24 февраля 1928 года без предъявления ордера на арест — его подписал задним числом, 25 февраля, сам Генрих Ягода, Олег Волков был арестован. В следственном заключении он характеризуется как «личность из дворян крайне антисоветская». Ему вменяется в вину связь с иностранцами, подозреваемыми в шпионаже. Тем не менее обвиняемый ведет себя с достоинством, равносильным самоубийству, — он с вызовом отвечает на вопросы следователя, отказывается быть осведомителем ОГПУ. И дело здесь не в отсутствии опыта, а в независимом — наперекор самой гибели — характере. Уже пройдя через Соловецкий лагерь, находясь в тульском заключении, когда жизнь его висела на волоске (обвинение в прямом шпионаже), 15 апреля 1931 года Олег Волков дает «собственноручные показания», в которых есть и такие строки: «Считал все же власть недолговечной... Относился к власти отрицательно — за разорение крестьянского хозяйства и суровые репрессии». Что это? Безоглядный фатализм? По ночам в тюрьме без суда и следствия расстреливают невинных людей. Он знает об этом, слышит крики несчастных. Кроме того, вместе с ним сидит по той же расстрельной статье любимым братом-близнецом Всеволодом, а беременная на пятом месяце жена и семилетняя дочь Маша, разделившие его судьбу

ссыльного в Янфой Поляне, дни напро-

лет проводят возле тюрьмы, добываясь свиданий. Тем не менее любящий зрат, муж и отец (это видно из писем его времени) жертвует собой. Ради его?

В тех же «собственноручных показаниях», приоткрыв свою «антисоветскую сущность», он пытается выгородить Игоря Владимировича Ильинского, возглавлявшего в ту пору музей-усадьбу «Ясная Поляна», и приводит в пример «один разговор с гр-ном Ильинским, в котором тот горячо защищал советскую политику и пятилетку», а он, Волков, «оспаривал его доводы...». Попытка вывести из-под удара своего якобы враждебного оппонента — налицо. Видимо, таким образом Олег стремился предупредить цепную реакцию арестов опасных ясновольных, среди которых была не только его беременная жена, но и родная сестра Наталья Васильевна со своим только что вернувшимся из пятилетнего лагерного заключения мужем князем Кириллом Николаевичем Голицыным. В этом свете зекская дипломатия Волкова выглядит не таким уж и безрассудством. Тем временем Александра Аркадьевна уже хлопочет за своих сыновей перед М.И. Калининым, которого ее покойный муж укрывал в своем доме от преследований царской полиции... Как бы то ни было, Олег Волков выиграл — тем самым помог брату выйти на свободу. Правда, через несколько лет Всеволод будет все же репрессирован по ложному обвинению, отсидит свой срок и погибнет смертью героя на Волковском фронте в 1942 году...

Летом 1931 года Олега Волкова возвращают в Соловецкий лагерь. 8 сентября того же года Софья Всеволодовна родила вторую дочь Елену, которая в условиях страшной нужды умерла в восьмимесячном возрасте. Еще не оправившуюся от потрясения мать арестовывают. Ее заключают в Мариинские лагеря как шпионку в пользу Греции. Осиротевшая девятилетняя Маша, потерявшая право учиться в школе, переходит из рук в руки родственников, которых попеременно сажают в 1934 года заботами того же М.И. Калинина супругам Волковым лагерь заменяются ссылкой в г. Архангельск.

Олег Васильевич ВОЛКОВ с Маргаритой Сергеевной. Севастополь. Май 1993

Здесь они снова живут вместе, и Маша наконец-то пошла в школу. 15 марта 1935 года Софья Всеволодовна родила сына Всеволода. Год спустя Олега Волкова снова арестовывают...

Придет время, и Всеволод Олегович Волков столкнется в стенах лесотехнического института в г. Мытищах с профессиональным провокатором, оклеветавшим его отца, — преподавателем Сергеем Аркадьевичем Сыромятниковым. Тот будет шарашать от своего студента, как черт от ладана. Машу Волкову репутация дочери «врага народа» загонит на Диксон, где в 1948 году она выйдет замуж. Когда после пятого ареста ее отца в Калуге в 1951 году чекистская рука наконец дотянется и до нее, начальник Западного района Арктики Валентин Игнатьевич Игнатченко не отречется от своей Машеньки и не задумываясь положит свой партийный билет на стол...

Только к осени 1957 года все пять приговоров по делу Олега Васильевича Волкова были поочередно отменены за недоказанность и отсутствием в действиях обвиняемого состава преступления. Однако его после реабилитационная жизнь была далеко не без-

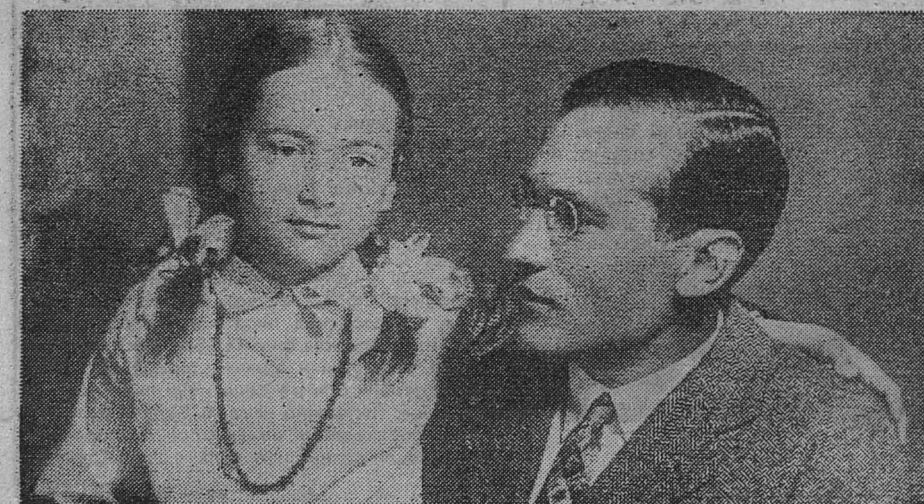
облачной — репутация бескомпромиссного писателя, а также его мученическая судьба обусловили его одиночество в литературе.

Но Провидение озарило на склоне лет жизнь писателя светом подлинной разделенной любви. О ней нельзя сказать лучше, чем это сделал сам Олег Васильевич в заключительной главе «Погружения во тьму»:

«Случилось так, что молодая женщина сумела внушить шестидесятилетнему, порядочно во всем изверившемуся человеку веру в его возможности, создала условия, позволившие забыть о возрасте и с молодой энергией окунуться в работу. Увидев Маргариту Сергеевну, ставшую моей женой и матерью нашей Ольги (дочери Ольге посвятил О.В. Волков «Погружение во тьму», — Г.К.), старинный друг семьи Волковых еще по дореволюционному прошлому — умудренная годами Татьяна Ивановна Татаринова (Царство ей Небесное!) сказала о дошедшей на мою долю «улыбке судьбы». Мне же видится в этой поздней встрече гораздо больше, чем улыбка, пусть и самая светлая! В ней для меня — проявление благодати Силы, воли Промысла, не раз спасавшей и хранившей меня в опасности и давшей на склоне лет познать в полной мере радость и вдохновляющую силу полного взаимопонимания и единодушия с любимым человеком — верным и преданным. То, о чем я писал, сделалось Маргарите Сергеевне столь же дорогим, как и мне. Над этими строками кровоточило ее сердце...»

Автобиографическая книга Олега Волкова «Погружение во тьму» принесла ему мировую известность и в то же время породила о нем ложное мнение как об авторе одного произведения, которое, кстати, по условиям своего времени является в высшей степени дипломатичным... Читатель не чувствует этого ввиду отсутствия полной биографии писателя.

Впервые предпринятое «Энциклопедией российских деревьев» трехтомное собрание его сочинений в какой-то мере восполнит этот пробел. Только что вышел в свет первый том — «Два стольных града», историко-художественная хроника двух столиц.

О. В. ВОЛКОВ с дочерью Машей. Архангельская ссылка.

Ссылка С. В. ВОЛКОВА с сыном Всеволодом и дочерью Машей перед отъездом из Архангельска в ссылку в г. Малоярославец. Отец отбывал срок в Ухтижемлаге НКВД. Февраль 1939 г.

Григорий КАЛЮЖНЫЙ